

*Посвящается Кевину Херну,
который является воплощением
доброты и спокойствия*

Дикая природа, в отличие от тех мест, где доминирующее место в ландшафте занимают человек и творения его рук, настоящим документом обозначается как местность, на которой земля и совокупная живая природа не тронуты воздействием человека, где сам человек является гостем, который там не задерживается.

Закон о дикой природе 1964 года

Прелюдия Комета

Открыла комету Юмико Сакамото, двадцативосьмилетняя астроном-любитель из городка Курасики в префектуре Окаяма. Открыла она ее совершенно случайно, ища совершенно другую комету — которая должна была пройти рядом с Юпитером.

По словам Юмико Сакамото, это открытие изменило ее жизнь. В интервью с журналистом газеты «Асахи симбун» она сказала: «До сих пор я слишком много внимания уделяла материальным проблемам — устроиться на хорошую работу, найти хорошего мужа, — но теперь отказываюсь от таких мелочных устремлений, как личная жизнь и карьера. Я снова сяду за парту и узнаю больше о нашем мире и окружающем его космосе. Не ради материальной выгоды, а потому, что стремление к знаниям само по себе является благородным».

Также Юмико Сакамото заявила, что собирается примкнуть к растущему сообществу тех японцев, которые выступают против сексуальных связей и романтических чувств. Она пришла к выводу, что мир уже «перенаселен», и не хочет усиливать лежащее на нем «бремя».

Комета, названная в честь нее кометой Сакамото, прошла на расстоянии 0,1 АЕ (астрономической единицы) от Земли 2 июня. Не настолько близко, чтобы представлять опасность, но достаточно близко, чтобы ее можно было увидеть невооруженным глазом, и достаточно, чтобы заслужить прозвище «Большая комета» и присоединиться

к таким знаменитым кометам, как комета Галлея и комета Хейла — Боппа.

Юмико Сакамото собиралась продолжить учебу в октябре того же года, однако ей не суждено было дожить до этого. Она умерла от аневризмы сосудов головного мозга в ту самую ночь, когда комета пролетала над Землей.

Часть I

ТОЛПА

1

Первая сомнамбула

Прошлой ночью астрономы-любители получили подарок в виде безоблачного неба, новолуния и кометы Сакамото. Последними тремя «большими кометами» были комета Лавджоя в 2011 году, комета Макнота в 2007 году и знаменитая — или печально знаменитая? — комета Хейла — Боппа в 1997 году, которая породила культ «Врата рая», чьи члены массово совершали самоубийство, веруя в то, что это позволит им попасть на борт межзвездного космического корабля, якобы летевшего следом за кометой. С вами был Том Стоункеттл, «Радио Стоункеттл» на канале БРГ-970.

*Передача «Радио Стоункеттл»,
канал УБРГ, 970АМ, Питтсбург*

3 июня

Мейкерс-Белл, штат Пенсильвания

Шана стояла, глядя на пустую кровать своей младшей сестры. Первой ее мыслью было: «Несси опять сбежала».

Она несколько раз позвала сестру. Если честно, после того как Несси этой ночью засиделась допоздна, глядя на комету в дерьмовый папин телескоп, Шана полагала, что девочка еще в кровати и храпит так, что трясутся стены. Она не знала, где еще, черт возьми, может быть Несси, — сама Шана вот уже час как встала, приготовила завтрак, закончила стирку, сложила мусор и вторсырье, чтобы завтра оттащить все к мусоровозу.

Поэтому она знала, что на кухне Несси нет. Может быть, она в ванной наверху?

— Несси! — Шана подождала. Прислушалась. — Несси, отзовись!

По-прежнему ничего.

И снова мысль: «Несси опять сбежала».

В этом не было никакого смысла. Вот когда Несси сбежала в первый раз, смысл *был*.

Они потеряли мать — потеряли в буквальном смысле. В продуктовый магазин отправились вчетвером, а вернулись только троим. Они испугались, что маму похитили, что с ней сделали что-то плохое, но затем камеры видеонаблюдения в «Большом орле» показали, что никто ее не похищал: она как ни в чем не бывало вышла в автоматические двери и навсегда ушла из их жизни. Мама стала большим вопросительным знаком, застрявшим у них в губах рыболовным крючком.

Однако было очевидно, что мать больше не хочет быть частью их жизни. Решение, поняла Шана еще тогда, назревало долго, однако до Несси эта простая истина не дошла — ни тогда, ни даже сейчас. Поэтому два года назад, чуть ли не день в день, после окончания учебного года Несси собрала в рюкзак консервы и бутылки с водой (а также пару шоколадных батончиков) и сбежала из дома.

Ее нашли через четыре часа под деревянным навесом на автобусной остановке в Грэнджере, где девочка спряталась от внезапно налетевшего ливня. Дрожащую, словно промокший щенок. Когда папа попытался взять ее на руки, Несси отбивалась и вырывалась, и это было похоже на то, как если бы борец попытался усмирить торнадо. В конце концов папа сдался и сказал:

— Если хочешь убежать из дома — убегай, но если собираешься отправиться на поиски своей матери, я думаю, она не хочет, чтобы ее нашли.

Это было все равно что смотреть в замедленном виде, как падает стакан с водой. Несси свалилась в объятия отца и расплакалась так, что с трудом могла дышать, сотрясаясь в судорожных рыданиях. У нее дрожали плечи, и она засунула обе

руки под мышки, словно стараясь поддержать себя. Ее отвезли домой. Несси проспала двое суток подряд, а затем медленно, но верно вернулась к жизни.

Это произошло два года назад.

Однако сейчас Шана не могла взять в толк, почему Несси опять вздумалось убежать. Сейчас ей было пятнадцать лет, и она не лезла на стену, как это было в таком возрасте с Шаной — по выражению отца, она показала «все прелести переходного возраста». Попеременно хандра и раздражительность, и гормонов как у брыкающегося жеребца. Сейчас Шане было уже почти восемнадцать. Она вела себя лучше. По большей части.

У Несси по-прежнему все было в порядке, она не превратилась в оборотня. Оставалась счастливой. Оставалась оптимисткой. Глаза блестят, как новенькие монетки. Несси завела тетрадку, в которую записывала все, чем ей хотелось заняться в жизни (плавать с аквалангом вместе с акулами, изучать летучих мышей, вязать домашние тапочки, как когда-то вязала мама), все те места, где ей хотелось побывать (Эдинбург, Тибет, Сан-Диего), всех тех людей, с которыми ей хотелось познакомиться (президент, астронавт, ее будущий муж). Как-то раз она сказала сестре: «Я слышала, что, если постоянно жаловаться, это перепрограммирует мозг подобно компьютерному вирусу и человек становится все более несчастливym, поэтому я твердо решила оставаться позитивной, поскольку обратное, не сомневаюсь, также верно».

Тетрадка лежала на пустой кровати. На полу рядом с кроватью стояла раскрытая коробка — Несси заказала по почте какую-то научную штуковину. (Шана позаимствовала отсюда пробирку с пробкой, чтобы хранить «травку».) Одуванчиково-желтое постельное белье было смято, свидетельствуя о том, что в кровати спали. На подушке в розовой наволочке все еще оставалась вмятина от головы.

Шана заглянула в тетрадку. Несси начала новый список: «Работа, которая мне может понравиться». В нем были: работник зоопарка, пасечник, фермер, разводящий альпак, фотограф. «Фотограф? — подумала Шана. — Это уже я застолбила!» Она

ощутила укол зависти. У Несси получалось абсолютно все. Если она решит заниматься тем, что выбрала для себя Шана, у нее получится значительно лучше, Шану это разозлит, и сестры возненавидят друг друга. (Ну, не совсем так. Шана будет ненавидеть Несси. Несси по-прежнему будет, несмотря ни на что, любить сестру, потому что Несси такая.)

— Несс! — снова окликнула Шана. — Несси! — Ее голос разнесся громким эхом, и это явилось единственным ответом. Блин!

Отец, скорее всего, уже находился в так называемом коровнике (он сказал, что, если они хотят присоединиться к любителям домашнего сыроварения в Пенсильвании, им нужно переходить на профессиональный жаргон, черт побери). И рассчитывал, что дочери, позавтракав, придут работать в маленькой лавке в конце улицы. Затем он попросит одну из них сходить в сарай, чтобы проверить сычужную закваску для гауды или отжать рокфор, после чего смешать силос и накормить коров, а еще, черт, сегодня должен прийти ветеринар, чтобы посмотреть на красное, покрывшееся коростой вымя бедняжки Белинды и...

Быть может, вот почему Несси сбежала. Занятия в школе закончились, а каникулы не предвещали ничего хорошего: сплошная работа, работа, работа... (У Шаны мелькнула мысль: а может быть, Несси права? Она сама также могла бы сбежать. Хотя бы на один день. Прокатиться со своим приятелем Зигом на его «Хонде», покурить «травку», почитать комиксы, посудачить о старшеклассниках, только что окончивших школу...)

(Господи, ей нужно выбраться отсюда.)

(Если она не выберется отсюда в самое ближайшее время, то застрянет здесь навсегда. Это место подобно зыбучим пескам.)

Ну конечно, Несси хорошая девочка и больше не станет сбежать из дома, так что, вероятно, она опередила сестру и уже в лавке. Маленькая рабочая пчелка — вот кто она. Как там в любимой папиной песне? «Сияющие счастливые люди...» Точно, это про Несси.

Поскольку Шана уже позавтракала, она отправилась искать миниатюрный накладной объектив, с помощью которого делала на свой телефон снимки крупным планом, увеличенные. Это

позволяло проникнуть в мир крошечных вещей, микро становилось макро. Хорошего фотоаппарата у Шаны не было, но она копила деньги на настоящую зеркальную камеру. Ну а пока что приходилось пользоваться телефоном. Может быть, на конюшне или в сыроварне удастся найти что-нибудь такое, что будет классно смотреться вблизи: шелушащаяся ржавчина, красная стрелка градусника, пузырьки или кристаллы в самом сыре...

Шана хлопнула себя по лбу, вспомнив, где оставила объектив в прошлый раз, — она фотографировала свисающего с окна у нее в комнате паука и оставила объектив на подоконнике. Поэтому Шана отправилась напрямик туда и...

Что-то на улице привлекло ее внимание. Какое-то движение на дорожке, ведущей к дому. Первой ее мыслью было: «Одна корова выбралась из коровника».

Шана подошла к окну.

По дорожке кто-то шел.

Нет. Не просто кто-то.

Маленькая дурочка шла по дорожке в джинсах и розовой футболке. И босиком, судя по виду. «Несси, это что еще за чертовщина?»

Шана хотела уже крикнуть своей младшей сестре, но затем передумала. Незачем привлекать внимание отца. Увидев, что они еще не в лавке, он выдаст им на этот счет хорошую порцию горячего дерьма, а Шана не хотела все это выслушивать. Сегодня утром у нее не было настроения для ерунды, а ерунда уже разрасталась.

Вместо этого Шана выбежала на дорожку, хрустя кроссовками по красной щебенке. Голштинские коровы слева замычали. Молодой теленок — Шана решила, что это Му Рэдли, — застыл на месте, провожая взглядом, как она спешит к своей несмышленной сестренке.

— Несси! — шепотом окликнула Шана. — Эй, Несси!

Но та, даже не обернувшись, продолжала идти вперед.

Ну что за дура!

Бегом догнав сестру, Шана остановилась перед ней как вкопанная.

— Господи, Несси, какого черта ты...

И только тут она увидела глаза Несси. Они были широко раскрыты. Взгляд сестры был устремлен в пустоту, словно она смотрела сквозь Шану или *вокруг* нее. Мертвые глаза, похожие на плоские шляпки больших гвоздей. Не осталось ни сияния любопытства, ни искорки.

Босая, Несси шла вперед. Шана растерялась, не зная, что делать: уйти с дороги? Стоять на месте, словно телеграфный столб? Нерешительность вынудила ее сделать что-то среднее — она немного сместилась влево, но по-прежнему осталась там, где неминуемо должна была пройти ее сестра.

Несси со всей силы толкнула ее плечом. От удара Шана отшатнулась еще дальше влево. Вырвавшийся у нее смешок был наполнен удивлением. Это был смешок раздражения, лай изумления.

— Мне больно, дура! — воскликнула Шана и, схватив сестру за плечи, хорошенько ее встряхнула.

Ничего. Несси лишь высвободилась и пошла дальше.

— Несси, *Нессу!*

Шана помахала рукой у сестры перед лицом. Взмах, взмах, еще взмах. И тут у нее мелькнула мысль, нелепая мысль. Шана притворилась, будто мысль может оказаться верной, хотя в глубине души и понимала, что это не так. «Она просто меня разыгрывает». Хотя на самом деле прикалываться любила как раз сама Шана, а Несси осталась на уровне таких убогих детских шуток, что даже отец, любивший розыгрыши, от них морщился. И все-таки на всякий случай Шана ткнула сестру пальцем в нос, словно это была кнопка.

— Би-ип! — сказала она. — Выключайся, маленький робот!

Несси никак на это не откликнулась. Даже не моргнула.

А вообще она за все это время моргнула хоть раз? Шана так не думала.

Тут она увидела впереди большую лужу, оставшуюся после дождя.

— Несси, осторожнее, там...

Слишком поздно. Несси шагнула напрямик в лужу. Шлеп, шлеп. Ноги в воде по самую щиколотку. Вперед и вперед. Словно заводная игрушка, упорно едущая прямо.

По-прежнему глядя перед собой.

По-прежнему двигаясь вперед.

Руки неподвижно свисают. Шаг уверенный и ровный.

«Тут что-то не так».

Эта мысль кулаком ударила Шану в сердце. У нее похолодело в груди, кровь превратилась в слякоть. Она больше не могла сдерживать озноб, но все-таки попыталась, сказав себе: «Быть может, она просто ходит во сне. Наверное, так оно и есть». Ну да, хорошо, в прошлом с Несси такого никогда не случалось, но, возможно, именно так ее мозг решил справиться с гормонами, которые сейчас стадом скаковых лошадей носились у нее в организме.

Вопрос заключался в следующем: звать ли папу?

Дорожка вела к маленькому красному сараю, в котором размещалась сыроварня. Рядом почтовый ящик, также похожий на сарай, но только синий (с вырезанным из жести силуэтом коровы на крыше). А еще дальше — улица.

Улица.

Господи, если Несси выйдет на улицу как раз в тот момент, когда мимо будет проезжать машина...

Шана закрычала, зовя отца. Завопила во весь голос.

— Папа! *Papa!*

Но ничего. Никакого ответа. Отец мог находиться на пастбище или в сарае. Для того чтобы за ним сходить, нужно будет оставить Несси одну...

Шана мысленно представила себе визг тормозов, тяжелый грузовик, сбивающий с ног сестру и швыряющий ее на землю. Хруст костей под колесами. От этой мысли ей стало плохо.

«Я не могу искать папу. Я останусь с Несси.

Долго это не продлится.

Лунатики рано или поздно просыпаются.

Ведь так?»

* * *

Десять минут. Прошло уже *десять минут*. Дойдя до конца дорожки, Несси повернула, словно следуя по невидимой дорожке, после чего...